

Проблемы античной демократии в современной англо-американской историографии / сост. А. Е. Медовичев. М., 1990.

Филатов Г. С. История фашизма в Западной Европе. М.: Наука, 1978.

Шуллер В. Афинская демократия и Афинский морской союз // Вестник Древней истории. 1984. № 3.

Юрьев М. З. Крепость Россия: прощание с либерализмом: сб. статей. М.: Яузा, Эксмо, 2005.

Bocca G. Storia d'Italia nella guerra fascista. Bari, 1969.

La Francesca S. La politica economica del fascismo. Bari, 1973.

Santarelli E. Storia del movimento e del regime fascista. V. II. Roma, 1967.

Ю. Г. Белоногов

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ
КОНЦЕПЦИИ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ ДЛЯ АНАЛИЗА
ИЗМЕНЕНИЙ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА
СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА 1950-1960-Х ГОДОВ**

ББК 66.3

Белоногов Юрий Геннадьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета.

ugb@dom.raid.ru; ugb78@mail.ru

В статье предпринята попытка проанализировать политическую борьбу за власть в СССР 1950–1960-х гг. как внутриэлитный конфликт, в рамках которого группы интересов рассматриваются как главная движущая сила

политических изменений. Становление «партийного государства» как новой модификации советской политической системы является, по мнению автора, результатом сформировавшегося внутри номенклатуры консенсуса интересов в отношении политических новаций Н. С. Хрущева.

Ключевые слова: группы интересов, внутриэлитные конфликты, властвующая номенклатура, клиентелы, внутрисистемный переходный период, «оттепель».

Современные исследователи при анализе советских исторических реалий все чаще обращаются к методам политологии. Одним из таких перспективных научных направлений для синтеза исторической и политической наук является проблематика деятельности групп интересов в постсталинский период советской истории. В целом исследователи признают, что «в позднем СССР группы интересов были органически вписаны в структуру политического режима и играли доминирующую роль в процессах формирования политического курса»¹. При этом они обращают внимание на собственно механизм лоббирования территориальных и отраслевых групп интересов в рамках подготовки и реализации инвестиционных программ². Признавая очевидную значимость таких прикладных исследований, автор в данной работе хотел бы обратить внимание на ряд важных аспектов теорети-

¹ Павров А. В. Группы интересов и трансформация политического режима в советской и постсоветской России [Электронный ресурс] // Политическая экспертиза. 2006. № 3. URL: <http://www.politex.info/content/view/276/30/> (дата обращения: 10.10.2012).

² Например, см.: Некрасов В. Л., Хромов Е. А. Партийные, региональные и ведомственные группы интересов в формировании политики освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции (1961–1965 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 2 (3). С. 45–53.

ко-методологического характера при применении политологической концепции «групп интересов» для анализа советской исторической действительности в изучаемый период.

Во-первых, понятие «группа интересов» отражает более высокий уровень организации и структурирования интересов, нежели понятие «клиентела». По мнению М. Н. Афанасьева, патрон-клиентные отношения сводятся к преимущественно личностным (т. е. во многом субъективным), частным и неформальным отношениям, основанным на неравенстве в обладании ресурсами и разнице социальных статусов, на взаимных обязательствах и заинтересованности¹.

Однако не все отношения, сформировавшиеся в советском обществе, могут быть описаны с помощью концепта клиентелизма. Так, значительная часть интересов населения выходила за рамки установления или сохранения личностных, неформальных отношений с элитами или их сегментами, группами, предполагая институционализацию формальных процедур выражения массовых настроений и интересов. В советском обществе постепенно вызревали основания гражданственности, основанной на выделении частного (личного) интереса и противопоставлении его государственному, общественному, разрешение которого было бы возможно за счет политических, а не клиентелистских практик. Формирование «группы интересов», в отличие от патрон-клиентных отношений, предполагает

¹ См.: Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властующих групп в современной России. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 298 с.

осознание единства объективных групповых интересов, уже выходящих за рамки персонифицированной лояльности к какому-либо политическому лидеру¹. Как правило, такой переход становится возможным в период политической борьбы вокруг концепции реформ, когда наиболее отчетливо происходит «кристаллизация» (идентификация) групп интересов².

Во-вторых, применение концепции групп интересов требует учитывать специфику советской политической системы. Многие современные исследователи при анализе «групп интересов» часто осознанно используют критерии «западного» (рыночного) общества. С этой точки зрения «группы интересов» в политической науке закономерно рассматриваются как институт цивилизованного гражданского общества, сложившегося первоначально в демократических странах Западной Европы и Северной Америки, и, следовательно, нередко отождествляются исключительно с негосударственными образованиями – «общественными объединениями»³.

По нашему мнению, для характеристики групп интересов в советском обществе не совсем корректно применять формальные критерии политического развития демократических стран Запада, в которых сформировался альтернативный государству инструмент реализации общественных интересов со своими методами влияния на власть.

¹ Гаман-Голутвина О. В. Российские политические элиты: факторы эволюции // Элитизм в России: «за» и «против»: сб. материалов интернет-конференции, февраль – май 2002 г. / под общ. ред. В. П. Мохова. Пермь: ПГТУ, 2002. С. 73.

² Гаман-Голутвина О. В. Группы интересов: ретроспектива // Полития. 2000. № 4. С. 44.

³ Мельник В. А. Современный словарь по политологии. Минск: Книжный дом, 2004. С. 85.

Главной же особенностью советской политической традиции являлось взаимодействие групп интересов исключительно как бюрократических структур под контролем государства¹. В соответствии с предложенной Г. Алмондом и Д. Пауэллом типологией групп интересов по степени их специализации и организованности в СССР наиболее влиятельным являлся именно институциональный тип представительства групповых интересов².

В условиях фактического отсутствия негосударственных форм собственности, монополизации политического пространства единственной массовой партией, неизвестности институтов гражданского общества группы интересов не были автономными и независимыми от власти. Влиятельные на Западе группы давления на власть (профсоюзы, молодежные организации, церковь, общественные объединения предпринимателей) в советских реалиях либо почти полностью исчезли, либо фактически стали «приводными ремнями» в осуществлении внутриполитического курса руководства страны³. Поэтому единственно возможным в советской политической системе способом реализации групповых интересов стало их взаимодействие именно внутри партийно-госу-

¹ Перегудов С. П., Латина Н. Ю., Семененко И. С. Группы интересов и Российское государство. М.: Эдиториал УРРС, 1999. С. 27; Политология (проблемы теории) / отв. ред. В. А. Гуторов. СПб.: Лань, 2000. С. 185.

² Подробней об институциональных группах интересов см.: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 133.

³ Лепехин В. А. Лоббизм в России и проблемы его регулирования // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: материалы междунар. семинара. М.: Московский общественный научный фонд, Издательский центр научных и учебных программ, 1999. С. 59.

дарственной номенклатуры как институте власти советского общества¹.

В рамках советской политической системы наиболее влиятельные группы интересов формировались на основе отраслевых и региональных (территориальных) сегментов административно-бюрократического аппарата, лишь опосредованно учитывавших интересы даже наиболее влиятельных и социально значимых слоев населения. На пути же формирования «неорганизованных» интересов, исходивших от широкой общественности, появлялись трудно преодолимые преграды: создание самодеятельных и собственно общественных ассоциаций с целью защиты своих интересов не допускалось и серьезным образом пресекалось².

Третий аспект изучения указанной проблематики заключается в определении хронологических рамок появления «групп интересов» в правящей номенклатуре. С терминологической точки зрения применительно к тоталитарному политическому режиму более правильно следует говорить о существовании внутриэлитных кланов, построенных по принципу клиентелы, как основных субъектах политической борьбы за власть в высших партийно-государственных кругах. Данный вывод можно сделать на основе проведенных историками исследований политической борьбы в высших эшелонах власти в послевоенный период³.

¹ Пихоя Р. Г. О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 4–5.

² Павроз А. В. Группы интересов и трансформация политического режима в России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 95.

³ Подробней см.: Жуков Ю. Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 гг. // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 23–39; Он же. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5. С. 39–57; Пихоя Р. Г. Указ. соч. С. 3–14; Рейман М. Послевоенное соперничество и конфликты в советском политическом руководстве // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 24–40.

Роль региональных интересов объективно сводилась к минимуму, поскольку центральная власть смогла почти полностью подчинить их себе. Во-первых, это объяснялось сложившейся в 1930-е гг. системой экономических и, соответственно, политических отношений, в которой региональной номенклатуре была отведена в основном функция транслятора и исполнителя диктуемой воли центральной элиты. Во-вторых, не следует забывать о систематически проводившейся (особенно на базовом – региональном – уровне) антикорпоративистской политике государства по подавлению субэлитных образований в форме массовых репрессий в отношении кадров номенклатуры. Специалисты приходят к выводу о том, что борьба с внутриэлитными кланами являлась одной из политически значимых целей Центра при осуществлении массовых репрессий в отношении кадров региональной номенклатуры¹.

Активизация деятельности именно внутриэлитных групп интересов была взаимосвязана с началом трансформации политического режима СССР в послевоенный период: от тоталитарного в авторитарный. «Появление групп интересов, конкуренция и противостояние между ними стали раскалывать монолитный правящий класс, который из моноструктуры превратился в более сложное социальное образование», – отмечает Н. Ю. Лапина, относя начало данных процессов к 1960-м гг.²

По нашему мнению, формирование влиятельных групп интересов в постсталинский период связано с двумя взаимозависимыми процессами: постепенным формированием принципиально новой модели экономических отно-

¹ Колодюшко А. А. Кадровая революция в партийной номенклатуре на Урале в 1936–1938 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 19 с.

² Лапина Н. Ю. Формирование современной российской элиты (проблемы переходного периода). М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 13.

шений («административно-бюрократического рынка») и развернувшейся между преемниками И. В. Сталина политической борьбой за власть. Формирование **«экономики согласований»** способствовало слому сложившейся при административно-командной системе вертикали подчинения и директивных методов управления. Складываясь под воздействием потребностей экономической практики, модель «административно-бюрократического рынка», в частности, фактически инкорпорировала специфические интересы региональной номенклатуры в структуру интересов союзной элиты, одновременно усиливая политическое влияние региональных групп интересов на процесс выработки внутриполитического курса.

Политическая борьба за власть и вовлечение в нее региональных элит, проведение в контексте внутриэлитных батальйонов реформистского курса стали важнейшим катализирующим фактором, повлиявшим на завершение процесса формирования и укрепления групп интересов. Развернувшийся вследствие политической борьбы внутриэлитный конфликт четко структурировал конфликтное поле: идентифицировал состав участников, артикулировал их групповые позиции, выявил существенные противоречия в интересах конфликтных групп, способствовал мобилизации имевшихся в их распоряжении политических ресурсов. Проходивший в условиях политической борьбы передел властных ресурсов и статусных позиций неизбежно приводил к столкновению интересов между элитой и массами, между различными иерархическими группами и ветвями номенклатуры, в том числе и на региональном уровне.

Предметом данного внутриэлитного конфликта стала выработка правил функционирования советской политической системы, закреплявшая новую расстановку политических сил (с изменившейся ресурсной базой) и иерархию их интересов при осуществлении внутриполитического курса. Именно это обстоятельство позволяет относить 1950–1960-е гг. к **внутрисистемному переходному периоду**, сопровождавшемуся сменой политического режи-

ма и формированием новой модификации советской политической системы – модели «партийного государства», пришедшей на смену модели «полицейского государства». Формирование новой модификации советской политической системы стало своеобразным разрешением сложившихся в «сталинский» период ключевых общественных противоречий: неэффективность административно-командной модели экономики и присущих ей методов управления в условиях начавшейся НТР; очевидные диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства; низкий материальный уровень жизни значительной части советского населения; нежелание правящей элиты продолжать репрессивную политику.

Формы и каналы артикуляции групповых интересов в условиях политической борьбы ограничивались теми возможностями, которые предоставляла номенклатурная организация советской властвующей элиты. Артикуляция групповых интересов проходила и в рамках разрешенных властью форм политической активности. В частности, формально допускались внутриэлитные «дискуссии» по конкретным вопросам общественной жизни, в ходе которых представители номенклатурных групп весьма осторожно высказывали свое мнение по проблематике проводимого политического курса. Для этого использовались традиционные формы политического участия (партийные съезды и конференции, партийно-хозяйственные активы, сессии советов всех уровней и др.). При реализации политической реформы Н. С. Хрущева большое значение приобрела такая форма артикуляции групповых интересов, как выработка предложений в ходе «публичных дискуссий» по проектам директивных или общепартийных документов. Жанр подобных «дискуссий» предусматривал поощряемые инициативы по «улучшению» и «совершенствованию» отдельных мероприятий политической реформы. В условиях допущения относительной свободы высказываний представители региональной элиты предельно четко формулировали предложения, направленные на реализацию интересов определенной группы и фактически противоречившие замыслу реформы. Очевидным результатом реализации данных предложений стала бы трансформация политической системы.

Наконец, важнейшей формой артикуляции политических интересов стало обоснование политических и административных практик, шедших вразрез с существовавшими институциональными нормами, которые регулировали деятельность властных структур советского общества. Нарушение данных норм (в частности, положений Устава КПСС о систематическом обновлении кадрового состава выборных органов власти) всегда оправдывалось «волеизъявлением масс» и поэтому по своей сути являлось эффективной формой давления на вышестоящие номенклатурные группы с целью дискредитации навязываемых «сверху» политических инициатив.

По нашему мнению, разрешение конфликта групп интересов соответствовало одному из описанных в политологии сценариев выхода из неопределенности в переходный период – **сценарию «сообщество элит»**. Данная идеально-типическая модель предполагает достижение политического компромисса при переделе сфер влияния между элитными группировками по «вертикали» и «горизонтали» власти; блокирование демократизации с целью сохранения статусных позиций и консолидации власти в условиях минимизации конкуренции¹.

Таким образом, становление новой модификации политической системы происходило в условиях внутриэлитного конфликта, который разворачивался, как минимум, в трех «системах координат».

Во-первых, происходившая в результате политической борьбы за власть реструктуризация экономического и политического пространства четко обозначила артикулированные противоречия по вертикали номенклатурной системы управления. В ходе реформаторского курса были затронуты интересы групп на местном, региональном (областном и республиканском) и общесоюзном уровнях властной иерархии, что способствовало включению их в активную политическую борьбу. Региональ-

¹ Подробней см.: Гельман В. Я., Рыжсенков С. И., Егоров В. И. Трансформация региональных политических режимов в современной России: сравнительный анализ // Власть и общество в постсоветской России: новые практики и институты / отв. ред. М. Н. Афанасьев. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. Вып. XII. С. 84–98.

ное руководство, используя легальные в рамках данного политического режима формальные и неформальные практики давления, стало активным защитником местных интересов в процессе их отстаивания перед Центром. Несмотря на существовавшие противоречия между основными группами внутри региональной элиты, отмечалась определенная общность позиций, основывавшаяся на консолидированном неприятии внутриполитического курса Н. С. Хрущева.

Институциональное становление новой разновидности советской политической системы – модели «партийного государства» – было связано с урегулированием конфликта по линии «Центр – регионы» с помощью номенклатурных практик «административно-бюрократического торга». Именно партийная ветвь региональной номенклатуры в ходе внутриэлитных политических батальйонов 1950–1960-х гг. добилась реализации своих «ведомственных» интересов, основными из которых стали ослабление контроля Центра за поведением региональных элит и снижение тяжести санкций за нарушение формальных и неформальных норм и правил. Это предопределило расширение сфер компетенции региональной номенклатуры в регулировании политической жизни на местах, что существенно повышало ее возможность в корректировке внутриполитического курса центральных элит. Превращение региональной элиты во влиятельную группу интересов связывается исследователями с постепенным освобождением местных руководителей от жесткой опеки центральной власти и усилением их политического влияния в период перехода от «тоталитаризма» к «авторитаризму». По мнению специалистов, уже в период «оттепели» процесс оформления и артикуляции региональных интересов «зашел далеко», однако «решающий прорыв» был сделан в условиях политической стабилизации¹.

Правящая советская элита в рассматриваемый период не являлась однородной ни по своему составу, ни (что самое главное) по своим интересам. В ее рамках отчетливо выделялись группы интересов, влияние которых определялось не столько наличием определенных экономических и политических ресурсов, сколько ролью, которую они играли в системеластных отношений, и значимостью их артикулированных интересов для функционирования политической системы. На региональном уровне среди многообразия групп мы выделяем те, которые структурировали конфликтные разломы в изучаемый период в процессе перераспределенияластных ресурсов. К таковым следует отнести политический (партийный), администра-

¹ Перегудов С. П., Латина Н. Ю., Семененко И. С. Указ. соч. С. 67, 178–179.

тивный (советский), хозяйственный (индустриальный и аграрный) сегменты региональной элиты. Конфликт ведомственных интересов между ними при выработке социально-экономической и политической стратегии развития страны стал главной особенностью внутрисистемного переходного периода.

Наконец, элита проявила себя в период внутрисистемного перехода как группа со специфическими интересами, значительно отличающимися от интересов масс. Навязываемые «сверху» мероприятия по демократизации власти усиливали институциональное напряжение в элит-массовых взаимоотношениях. Опасность расширения народной инициативы «снизу» способствовала консолидации интересов региональной элиты, выступившей в качестве базового «рубежа обороны» для защиты статусных позиций, и привилегированному положению всей властвующей элиты. В данном случае элита выступала как единое целое, осознававшее свой совокупный интерес на удержание власти и сохранение контроля над массами.

Региональная элита в данном процессе, с одной стороны, выступала как социальная сила, находящаяся под административным контролем со стороны союзной элиты; с другой стороны, она была той частью элиты, которая раньше других осознала возможные последствия изменения общества, предпринятого реформаторской группой центрального руководства. Маневрирование между обязанностью выполнять партийный курс и стремлением не допустить полное осуществление реформ из-за их явных угроз для элиты в целом предопределяло поведение региональной элиты в период общественных трансформаций.

Библиографический список

Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002. 537 с.

Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 298 с.

Гаман-Голутвина О. В. Группы интересов: ретроспектива // Полития. 2000. № 4. С. 38–49.

Гаман-Голутвина О. В. Российские политические элиты: факторы эволюции // Элитизм в России: «за» и «против»: сб. материалов интернет-конференции, февраль – май 2002 г. / под общ. ред. В. П. Мохова. Пермь: ПГТУ, 2002. С. 65–91.

Гельман В. Я., Рыжеников С. И., Егоров В. И. Трансформация региональных политических режимов в современной России: сравнительный анализ // Власть и общество в постсоветской России: новые практики и институты / отв. ред. М. Н. Афанасьев. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. Вып. XII. С. 84–98.

Жуков Ю. Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5. С. 39–57.

Жуков Ю. Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 гг. // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 23–39.

Колдунко А. А. Кадровая революция в партийной номенклатуре на Урале в 1936–1938 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 19 с.

Латина Н. Ю. Формирование современной российской элиты (проблемы переходного периода). М.: ИНИОН РАН, 1995. 60 с.

Лепехин В. А. Лоббизм в России и проблемы его регулирования // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: материалы междунар. семинара. М.: Московский общественный научный фонд, Издательский центр научных и учебных программ, 1999. С. 57–85.

Мельник В. А. Современный словарь по политологии. Минск: Книжный дом, 2004. 640 с.

Некрасов В. Л., Хромов Е. А. Партийные, региональные и ведомственные группы интересов в формировании политики освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции (1961–1965 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 2 (3). С. 45–53.

Павроз А. В. Группы интересов и трансформация политического режима в советской и постсоветской России [Электронный ресурс] // Политическая экспертиза. 2006. № 3. URL: <http://www.politex.info/content/view/276/30/> (дата обращения: 10.10.2012).

Павроз А. В. Группы интересов и трансформация политического режима в России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2008. 360 с.

Перегудов С. П., Латина Н. Ю., Семененко И. С. Группы интересов и Российское государство. М.: Эдиториал УРРС, 1999. 352 с.

Пихоя Р. Г. О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 3–14.

Политология (проблемы теории) / отв. ред. В. А. Гуторов. СПб.: Лань, 2000. 383 с.

Рейман М. Послевоенное соперничество и конфликты в советском политическом руководстве // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 24–40.

M. P. Москаленко, Е. М. Кропанева

ОБРАЗ БУДУЩЕГО КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

ББК 60

Москаленко Максим Русланович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории науки и техники Уральского федерального университета (Екатеринбург).

max.rus.76@mail.ru

Кропанева Елена Михайловна – кандидат философских наук, заведующая кафедрой образовательного права Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург).

max.rus.76@mail.ru

В работе рассматривается проблематика изучения образа будущего как одного из важнейших системообразующих элементов социально-по-